

2336
A853

ВЛАДИВОСТОКСКОГО ОТДЕЛА
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ)

В. К. АРСЕНЬЕВ

ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД
И ПЕРВОБЫТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

ИЗДАНИЕ ВЛАДИВОСТОКСКОГО ОТДЕЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ВЛАДИВОСТОК

1929

ЭР00338

ДВ
государственная
научная библиотека

ДБГКБ

92

ЭР00338

авт. изд.

A-53

Проверено
1956 г.

✓ LB 36

В. К. Арсеньев.

A 853

7. 30

Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири.

Ледниковая эпоха Евразии.

V 13/12/77

По схеме Пенка в четвертичную эпоху Европа четыре раза покрывалась льдом и четыре раза сбрасывала с себя ледниковое покрывало (1—42). Значит, мы можем говорить о ледниковых и межледниковых периодах. По этой же схеме четвертое обледенение было «лебединой песней» дилювия, и современное человечество как бы живет в четвертом межледниковом периоде, который принято называть аллювием.

С некоторой долей опаски, пожалуй, можно сказать, когда последний раз льды оставили Западную Европу и Северную Азию.

Определяется это «подсчетом времени», которое потребовалось для отложения осадков в озерах четырех кантонов в Швейцарии. По определению Гейма, для этого нужно было 16 000 лет, что вполне соответствует времени, истекшему от последнего отступления швейцарских ледников. На основании исследований размывания дождями и реками моренных отложений, период времени с начала отступления ледников также определяется в 15 000 лет. Новый метод исчисления ледниковых периодов, предложенный де-Геером, основан на изучении следов отступающего ледника в тонких

✓

слоях почвенных отложений. По этим исчислениям установлено, что на широте Берлина ледники отошли 14 000 лет до н. э. или 16 000 лет до нашего времени. По тем же геологическим часам, на материке Северной Америки геолог Дингель «определил период времени от начала отступления ледников последней ледниковой эпохи к северу в 78 веков» (2—34). Известно, что в европейской части Союза материковый лед занимал пять шестых всей площади. Свободными ото льда были Бессарабия, Херсонская губерния, Крым, область войска Донского, вся Воронежская и прилегающие к Волге части Саратовской, Симбирской и Казанской губерний. По Днепру ледниковый язык спускался до 49° с. ш. (7—26).

«По окраине этого громадного материкового льда в Сибири, вероятно, была развита настоящая тундровая жизнь» (1—64), а южнее были небольшие перелески из ели, лиственницы и березы. Хотя по мнению Тутковского (3—2) возможно, что около ледников климат был и не так суров.

Южно-русская растительность характеризовалась каштаном, белой акацией, миндалем, грецким орехом, тутовым деревом и др. В последнее время были сделаны замечательные находки межледниковых отложений в Московской губ. и в долине р. Оки, в озерах, на которые впоследствии снова надвинулись льды. Здесь среди других растений найдены были: *Fagus silvatica* L., *Taxus baccata* L., *Quercus pedunculata* E h n h., *Trapa natans* L. et cet. (1—77).

Там же были обнаружены кости мамонта и носорога, что позволяет отнести эти отложения к межледниковому периоду. Такие же озерные отложения найдены в Люблинской, Могилевской, Калужской и даже в Вятской губерниях.

Факты нахождения выше перечисленных растений после третичного периода в эпоху дилuvia с неоспоримой ясностью свидетельствуют о существовании на территории европейской части Союза по крайней мере одного межледникового периода.

Число фаз обледенения в России служит предметом разногласия специалистов. Большинство геологов склоняется к тому, что в межледниковые периоды вся масса льда, покрывавшего Россию, не успевала растаять и, если растаяла полностью, то только один или два раза.

Что же в это время происходило в Сибири? Обермайер говорит: «Сибирь в ледниковый период находилась под сплошным толстым покровом континентального льда толщиной в несколько сот метров, подобно тому, как и в настоящее время она покрыта на северном побережье Ледовитого океана и на Новой Земле. Это огромное скопление льда получило возможность прийти в движение, подобно настоящему глетчерному льду, лишь в весьма немногих пунктах по берегам морей и на немногочисленных горных хребтах. Большею же частью он лежал совершенно неподвижно в виде мертвой континентальной массы на необъятных равнинах сибирских тундр и потому не мог оставить после себя настоящих глетчерных отложений» (1—38).

Сибирь была покрыта льдами подобно тому, как в настоящее время покрыта ими Гренландия и отчасти северное побережье Сибири у Ледовитого океана. Там, около устьев Яны, Лены, Индигирки и на Новосибирских островах мы находим остатки ископаемого льда, возникшего в прежние геологические периоды. Мощность его на поверхности земли в настоящее время определяется в 120 метров. Сколько он продолжается ниже горизонта земли — сказать нельзя. Сверху лед прикрыт толстым слоем торфа, на котором в летнее время прозябает типичная арктическая растительность.

Барон Толь назвал его «каменным льдом». Как самый лед, так и торфяные на них наносы являются неистощимыми хранилищами трупов четвертичных животных и в особенности мамонтов. Эти массы льда можно считать за образования, которые раньше составляли одно целое с большим, лежавшим, по всей вероятности, в Сибири материковым льдом, который затем отступил. Таким образом, они пред-

ставляют теперь единственные остатки оледенения целых местностей (4—113).

Часть берега между мысом Св. Нос и р. Конечной (Оягосский яр), восточный берег Чаунской губы (Хапташинский яр) представляют собою красивую и оригинальную картину. «Они состоят из глины и льда — отложений ледниковых эпох. Особенно интересны обнажения двух слоев «каменного» льда, разделенных большим пластом межледниковой глины, содержащей остатки ископаемых животных и растений. Высота некоторых разрезов достигает 60 метров. В этих случаях спуск к морю имеет две террасы: верхняя часть верхней террасы и нижняя часть нижней террасы состоят из льда. В некоторых местах берег Оягосского яра состоит только из одного льда и представляет отвесные обрывы, подмываемые волнами океана и разрушаемые им; эти ледяные обрывы в некоторых местах имеют весьма причудливые и оригинальные извилины» (5—420).

«Между Колымой и Чаунской губой берега слагаются из тундровых слоев, заключающих в себе мощные залежи почвенного льда, прекрасные выходы которого встречены были близ устья Большой реки» (6—89).

Это же подтверждает и известный знаток побережья Ледовитого океана М. Х. Караев. По его словам, около устья Большой Баранихи высокие береговые обрывы отодвинуты внутрь страны километра на четыре. Между ними и морем залегает широкая низменная полоса земли, большей частью тундристая. В означенных обрывах из-под слоев торфа выступают на дневную поверхность громадные толщи материкового льда.

Восточнее Чаунской губы горные цепи морфологически отвечают альпийскому типу, «рельеф которого мог быть выработан только при участии ледниковой эрозии» (6—93).

По сведениям того же М. Х. Караева, на Чукотском полуострове, когда туземцы копают ямы, то под поверхностным слоем торфа часто натываются на чистый лед, при

чем неизвестно, насколько глубоко он уходит в землю.

Суммируя все вышеизложенное, можно допустить, что в то время, когда в Западной Европе была четыре раза смена ледниковой обстановки, в Европейской России она была один или два раза, а в Сибири все время длился сплошной ледниковый период без перерыва. Когда Европа в последний раз сбросила с себя ледниковое покрывало, Россия еще долгое время переживала эпоху дилювия. Когда льды исчезли в Европейской России, они долго еще лежали на обширных равнинах Сибири. Когда же, наконец, Сибирь освободилась ото льдов, на территории нынешней Якутской автономной республики и в Чукотско-Анадырском крае ледниковая эпоха была еще в полном разгаре.

Повидимому, арктическая Америка является тем «ледниковым полюсом», откуда льды распространялись в ледниковые периоды и куда они отступали в межледниковые периоды. По мнению Обермайера (1—540), когда в Европе климат изменился к лучшему — отступление ледников шло в северо-западном направлении. Даже в анциловый период Скандинавия еще сохраняла на себе узкую полосу глетчерного льда. А в Сибири тоже по направлению к арктической Америке ледники отступали на северо-восток. Следовательно, мы должны теперь найти континентальные льды еще северо-восточнее Чукотского полуострова. Так оно и есть! Муирский ледник в Аляске, спускающийся к самому морю и отделяющий от себя ледяные горы и громадный глетчерный покров Маласпинского ледника в области горы св. Ильи (1—24) представляет собою обледенение целых местностей. Затем, в арктической Америке земли Бенкса, Виктории, Девисова и Гренландия переживают ледниковую эпоху и сегодня.

Возможно, что во время таяния льдов от массы воды, частью стекающей к югу, в центральной Азии образовывались обширные водоемы: Гоби и Шамо (Такла — Макан) впоследствии усохшие и превратившиеся в пустыни. Этот

процесс осыхания продолжался и в историческое время. Он принудил людей покинуть города (Хара-Хото) и уйти в местности с более влажным климатом.

Ископаемые животные.

На полуострове Камчатке, в долине реки того же имени, между селениями Щапиным и Машурой, ближе к последнему, в местности Коледец, там, где река в излучине подмывает правый высокий берег, имеются большие террасы, состоящие из мельчайшего серого вулканического песка. Террасы эти высотой до 120 метров. Наверху их вырос мачтовый лиственничный лес. Этот песок — тонкий, чистый и чрезвычайно подвижный. Даже в тихую погоду видно, как там и сям по обрывам льются тонкие струйки песка. Достаточно окрика, чтобы число струй и размеры их увеличились. При выстреле из ружья появляются настоящие пескопады. Автор настоящей статьи в 1918 году проходил это место на моторном катере. От сотрясения воздуха, вызванного шумом мотора, когда катер поровнялся с террасой, она вся как бы ожила и весь обрыв в 120 метров высотой скрылся за песчанной завесой.

Так как песок постоянно осыпается, сверху нависли громадные дерновины, скрепленные корнями деревьев, при чем некоторые лиственницы стоят еще вертикально, другие немного наклонились в сторону реки, иные держатся как-то странно в горизонтальном положении, а некоторые повисли комлями кверху и вершинами вниз. Когда осыпавшиеся пески обнажат очень большую площадь корневой системы, деревья от тяжести обрываются и падают в реку одиночными экземплярами, по несколько штук сразу, а иногда и целыми участками. Падающий лес увлекает за собою громадное количество песка. И можно представить себе, какие грандиозные обвалы здесь происходят! Тогда обнаруживаются торчащие из песка стволы погребенных в нем деревьев и кости ископаемых животных — главным образом, мамонтов, первобытных

быков и носорогов. Большинство костей попадает в нижних слоях невысоко над водою. То видишь челюсть или ребро носорога, то бивень или берцовую кость мамонта, то рог зубра и т. д.

Подходить к этому месту крайне опасно. Каждую минуту можно ожидать обвала сверху. Как раз у подножия террасы проходит русло реки, по которому вода идет очень быстро. Очевидно, она уносит песок, потому что здесь река имеет значительную глубину (около $2\frac{1}{2}$ метров). Еще опаснее шевелить эти кости. При попытке вынуть их, тотчас песок обваливается и, падая в воду большой массой, увлекает за собою и палеонтологические находки. Таким образом, в реке должно было скопиться много костей. Добыть их можно, но для этого нужны какие-то инженерные работы и специальные машины, при помощи которых из воды поднимают камни и другие тяжелые предметы.

Моторный катер, на котором автор совершал путешествие, один раз сел на большой, как казалось, древесный обломок, который при внимательном осмотре оказался черепом мамонта. Здесь же повсеместно на галечниковых отмелях валяется множество коренных зубов мамонтов, плохой сохранности. Кости и зубы мамонтов и носорогов были найдены также на галечниковых отмелях: 1) в 4 километрах выше селения Верхнекамчатского и 2) между селениями Киргаником и Машурой (ближе к Кирганику).

Если допустить, что Камчатка раньше была островом, то соединение ее с материком произошло раньше, чем вымерли мамонты, первобытные быки и носороги.

В 1923 году один из промышленников, добывавших ранее мамонтову кость на Новосибирских островах, сообщил, что на о. Медном он нашел скелет мамонта (?). По его словам, из земли торчала часть черепа с одним клыком. Если факт нахождения скелета мамонта на Командорских островах подтвердится, то находка эта будет иметь большое значение.

Значит, острова эти составляли с Камчаткой одно целое и отделились от нее недавно.

В Сибири мамонт был весьма распространенным животным. Здесь встречаются «целые пласты постплиоценовых отложений, переполненных его остатками. С начала колонизации Сибири русскими поступило в продажу мамонтовых бивней по крайней мере от 2000 животных. Почти треть всего количества слоновой кости, которая обращается ежегодно в мировой торговле, происходит от ископаемых мамонтов, находимых в Сибири» (8—522). В течение XIX столетия 21 раз были получены сведения о нахождении трупов *Elephas primigenius*. Находя скелеты и целые трупы и нигде не встречая живых мамонтов, туземцы решили, что зверь этот живет под землей и подыхает тотчас, как только покажется на дневную поверхность. Именно он и есть виновник землетрясений. Каждый раз при обнаружении трупа мамонта русские снаряжают экспедиции и принуждают туземцев вести их к месту находки. Чтобы избежать этой неприятности, чукчи стали скармливать мамонтов собакам.

Пищей мамонту в Сибири служили альпийские травы. При исследовании растительных остатков во рту мертвого животного были обнаружены: тимьян, лютик, мак и другие цветковые растения.

Барон Голь сообщает, что однажды проводник его в подошве одного из обрывов нашел целого мускусного быка, который в настоящее время — водится только в арктической Америке (4—77).

«Количество костей на берегу Ледовитого океана весьма велико — в иных местах они рассыпаны в изумительном количестве, но все же целых неломанных костей попадает не так много. Чаще всего находят кости мамонта.

Хапташинский и Оягосский яры, о которых говорилось выше, не единственные места, где лед и ледниковые глины выходят на дневную поверхность. Они встречаются довольно часто и в других местах побережья, по справедливости

названного Миддендорфом «Мамонтовым берегом» (5—420).

Вместе с костями мамонта и носорога не особенно редко попадаются и кости ископаемого быка. Два черепа без роговых чехлов были найдены на заплеске правого берега реки, ниже урочища Крестов на Камчатке. «Кости носорогов находят не только в бассейне р. Индигирки, но и на Колыме. Отдельно находимые иногда рога носорогов считаются когтями огромной птицы. Группа полуразвалившихся кекуров на одной из вершин горы Егорьевича считается гнездом этой птицы» (9—257). Туземцы Якутской области называют этих воображаемых птиц «мамонтовыми цыплятами».

К востоку от Чаунской губы М. Х. Кареев находил кости мамонтов: 1) на склоне горы Эсонин у мыса Кибера, 2) около мыса Северного на сопке, расположенной к юго-западу от эскимосского селения Рыр-Кайпия, 3) на мысу Дежнева на склоне горы, в трех километрах от берега моря и 4) недалеко от р. Анадыря, на западном берегу, при входе в залив Св. Креста, а капитан Дальнего плавания Менгель, командовавший в 1922 году шхуной «Пенжина» (ныне «Брюханов») видел целый скелет мамонта на восточном (камчатском) берегу Пенжинской губы, к северу от селения Каменского.

Нанесение на карту мест этих интересных палеонтологических находок дает полную картину распространения мамонтов в Сибири. Оказывается, что они водились не только в арктической полосе Сибири, но и в более южных широтах (там, где ныне находят их кости), и, повидимому, спускались до 56° широты.

Среди палеонтологических коллекций Хабаровского краевого музея имеются кости мамонтов и носорогов, вывезенные из Анадырского края. На них весьма явственно видны следы рук человека; видно, что они были в огне, потом их раскалывали для добычи мозга. Некоторые кости выскребались с концов каким-то коротким орудием. Затем человек

взял другое орудие подлиннее, потом он кости бросил и их грызло какое-то животное, по зубам похожее на собаку. Предположение, что современный человек имел дело с костями уже вымерших животных, отпадает, потому что вся поверхность костей и следы обработки покрыты однотонной блестящей патиной желто-бурого цвета. Всякая более поздняя или новая царапина отличается свежестью и более светлой окраской.

Из этого следует, что на северо-востоке Сибири человек был современником мамонта и носорога и потому разрешение палеоантропологических проблем мы должны искать именно в Сибири, ибо только здесь возможно найти труп первобытного человека, подобно тому, как мы теперь находим трупы мамонтов. Сибирский ледниковый человек, по видимому, застал и эласмотериума. «В тунгусских преданиях говорится о битвах с черным чудовищем огромной величины, которое посредине лба имело такой большой рог, что для перевозки его требовались отдельные сани» (8—526).

В Западной Европе мамонты начинают исчезать в конце третьего межледникового периода, который в истории человеческого прогресса носит название эпохи Солютре. В эту эпоху человек выскивает мамонтовы бивни и делает запасы их. Значит, животное это стало очень редким (1—336). Когда мамонты исчезли в Западной Европе, они долго жили на территории нынешней Европейской России, а когда они вымерли в России, то в течение многих веков еще бродили по тундрам Сибири (1—90, 91). В Северной Америке мамонт был самым распространенным животным последнего периода. Кости его встречаются часто в Аляске, в особенности около Берингова пролива. Не подлежит сомнению, что именно через Берингов перешеек они переселились туда из Азии в то время, когда оба материка соединялись довольно широкой полосой земли, южный край которой составляли Командорские и Алеутские острова. Вероятно, перешеек этот был покрыт льдами и лишь около моря была узкая по-

лоса земли, свободная ото льда, как это мы теперь наблюдаем в Гренландии. Тогда находка костей мамонта на Командорских о-вах вполне понятна и возможна.

По этому же мосту перешли в Америку лось, зубр, бобр, медведь и человек.

Итак, мы видим (на глобусе это особенно ясно), что отступление льдов на материке Евразии в начале аллювия происходило в направлении к арктической Америке. В этом же направлении шла и эмиграция многих дилювиальных животных, в том числе и мамонта. Продвижению его из Европы на северо-запад был скоро положен предел на берегах Атлантического океана, а на северо-восток это продвижение происходило беспрепятственно, включительно до Аляски.

Остатки субтропической флоры и фауны на Дальнем Востоке.

Хотя на Дальнем Востоке еще не выяснено, насколько к югу спускались ледники, но уже имеется несколько опорных пунктов, которые позволяют до некоторой степени нанести на карту следы их распространения. «Князь К р а п о т к и н наблюдал на Олекминском хребте эрратические валуны на высоте 500 метров над уровнем моря и на Витимском плато к юго-востоку от Байкала нашел большое число мелких озер и ледниковых шрамов, которые заставляют думать, что места эти некогда находились под ледяным покровом» (1—38).

Дальнейшие на Востоке следы ледников недавно найдены были к северу от низового Амура.

Отсутствие ледниковых следов (долины первичных рек по краям концевых морен, эрратические валуны, курчавые скалы, бараньи лбы и исполиновые котлы) убеждает нас в том, что в Уссурийском крае и в долине Амура в эпоху диллювия ледникового покрова не было.

Это подтверждает и целый ряд случаев раздельного существования тождественных или близко родственных видов

растений и животных, с одной стороны — в Западной Европе, Южной России и Кавказе, а, с другой — в Восточной Азии, минуя Сибирь. Наоборот, палеонтологические исследования в Сибири указывают, что там в плиоценовую эпоху пресноводная фауна была близка к амурской.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что наземная и водная флора и фауна Амурского края, Манджурии и Японии носит реликтовый характер. Это есть остатки субтропической флоры и фауны, имевшей в верхнетретичную эпоху распространение по всему северному полушарию и затем вымершей в Сибири. Остатки такой флоры и фауны мы находим в Европе, на Кавказе и на Дальнем Востоке.¹

Какая же была причина исчезновения этой субтропической флоры и фауны на столь большом пространстве, как Сибирь? Исчезновение той и другой мы должны приписать ледниковому периоду. В эту эпоху в умеренных широтах растительное и животное население (Сибири) должно было вымереть или удалиться в более южные широты. Остались они лишь в тех местах, которые и в течение ледникового периода сохраняли более умеренный климат.² Таковы — Кавказ, Манджурия, Корея и Япония (10—251—262).

Во время обледенения Евразии растительность северного полушария не исчезала совсем.

На юге были места, где, несмотря на изменившиеся климатические условия, она продолжала прозябать. Это были очаги флоры — так сказать, кадры межледниковой растительности.

Как только начиналось отступление ледников, она тотчас же оживала, распространялась и, можно сказать, следовала за ними по пятам. За растениями эмигрировали животные, а за животными человек.

¹ В. М. Савич. Липа сравнительно недавно найдена в Кузнецком Алатау. Там она, несомненно, имеет островной характер, что лишнее раз подтверждает наличие глетчерного льда в южной части Сибири в эпоху дилuvia.

² Он же. Разобщение флор Дальнего Востока и Европы могло произойти очень давно, быть может еще в третичном периоде.

Таким очагом реликтовой флоры и фауны будет в Европе Балканский полуостров. Отсюда каштан распространился по всей Европе. Только здесь он растет в диком виде.¹ Здесь дольше всего держались львы, которые со времен азильской эпохи совершенно исчезли в Западной и Средней Европе. Геродот сообщает, что во время похода Ксеркса в Македонию львы нападали на его вьючных животных, а Аристотель проводит границу распространения львов в Европе реки Ресс и Ахеол (1--526).

Другой такой же реликтовой областью будет Кавказ, а на востоке Азии горная область Чан-бо-шань с громадным вулканом Бей-шань (Пак-ту-сан), кратер которого несколько километров в окружности и наполнен водою. Из этого озера «Тамунь» берут начало три великих реки: Ялу, Хуньтун и Айху, орошающих Манджурию.

Азиатское Средиземное море (Японо-Китайское) отделено от океана гирляндой островов, представляющих наиболее высокие горные вершины и плоскогорья материков, погружившихся в минувшие геологические эпохи в морские волны. Это Средиземное море не видело на своих берегах ледниковой эпохи и сохранило до наших дней в наименее измененном виде роскошное наследие третичной флоры и фауны (11—433). Отсюда Уссурийский край получил значительную часть своих растений. На некоторые из них следует смотреть с известным благоговением. В несколько измененном виде они сохранились в нашей тайге со времени третичного периода. Этим видам около миллиона лет.

Возьмем хотя бы пальмовидную аралию (*Aralia manshurica* R. et M.). Русские переселенцы называют ее «чортовым деревом». Один вид ее заставляет нас мысленно перенестись в мир, давно исчезнувший, за ледниковую эпоху.

А вот белый орех (*Kalopanax ricinifolium* Miq.) — тоже стройное дерево с крупными иглами по стволу и на ветвях

¹ В. М. Савич. ...и кавказское побережье Черного моря, где еще сохранились рощи каштанов.

и с листвой как у клена, но крупного размера, на длинных черешках.

В тайге нередко можно видеть оба эти дерева, опутанные лианами (*Actinidia arguta* Planch., *Actinidia kolomikta* Max.) в руку толщиной.

К числу таких же реликтовых растений относится и знаменитый жень-шень (*Panax ginseng* C. A. Mey.), вокруг которого у китайцев сгруппировалось столько красивых легенд.

Еще более реликтовыми растениями являются *Microbiota decussata*, которое относится к сем. Cupressaceae, и особый вид большой водяной кувшинки (*Euryale ferox* Salisb.), названия которой у русских нет. Громадные плавающие листья ее, усаженные колючками с исподней стороны, и большие фиолетовые цветы можно видеть в тихих заводях р. Лефу, впадающей в озеро Ханка, а также около г. Харбина, по ту сторону Сунгари, в озерах.¹

А фауна? Она тоже реликтовая.

Гроза Уссурийского края — тигр, не есть пришлый гость, акклиматизировавшийся в Приамурье. «Ледниковый пещерный лев в Европе, несомненно, был одною из крупных северных разновидностей обыкновенного льва, аналогичной такой же разновидности тигра, встречающегося в настоящее время в Уссурийском крае» (1—102).

На севере Старого Света большие виды кошек появляются в плиоцене или дилювии и отсюда распространяются в Африку и Индию. Тигр до сих пор еще живет в Амурском крае (12—590). На Новосибирских о-вах в конце плейстоцена, кроме мамонтов и носорогов, обитали дикие лошади, благородный олень и тигр, который в настоящее время не встречается севернее 54 параллели. Если даже эти животные появлялись здесь только летом, то все же необходимо признать, что климат, царивший тогда в этой области, был го-

¹ В. М. Савич. *Quercus mongolica* Fisch., сохраняющий листву до самой весны, а равно и заросли *Ledum palustre* L., сохраняющий окраску даже под снежным покровом, указывают на то, что эти растения и еще некоторые другие раньше были вечнозелеными.

раздо мягче современного (8—538).¹ Из этого следует, что Приамурский край, если не с большим правом, то во всяком случае с таким же правом, может быть назван родиной тигра, как и Индокитай. Возможно, что здешний тигр иной, чем южный его собрат. В зверинце Гагенбека в г. Гамбурге он назван *Unzia Tigris*. «Востоносибирский тигр имеет в длину до 3,9 метра, считая в том числе и хвост, при весе тела нередко свыше 20 пудов» (13—6). Он не имеет длинных баков по сторонам головы и рисунок его не такой яркий, как на юге в Индии. В Уссурийском крае пещеры служат любимым местопребыванием тигров, о чем ясно говорят многочисленные следы животных на глине, лежки их и перегрызенные кости кабанов, оленей и коз.

Затем надо указать на моржа, северного оленя и на шакалоподобную дикую собаку (*Canis alpinus*), столь обычную для III-го межледникового периода в Европе. В южной части Приамурского края она обитает по сие время.

Особенно ярко выраженный реликтовый характер носит энтомофауна, представителем которой в Уссурийском крае является очень крупный жук из породы дровосеков. Известный русский энтомолог А. П. Семенов-Тянь-Шанский дал ему видовое название — «реликтовый» — *Callipagon relictus*. Находка этого жука в свое время наделала много шума. Родственные виды этому жуку встречаются также в Индии и в других местах Южной Азии.

Каменный век Сибири.

Если бы мы вздумали на карту Евразии какой-нибудь цветной краской нанести распространение каменного века, при чем наиболее густой тон ее положили бы там, где он

¹ Я очень благодарен Г. Н. Гассовскому, сообщившему мне, что сайга (*Saiga tatarica*) раньше распространялась далеко на север. Значит, в постплиоценовое время произошло охлаждение климата. Подтверждение этому мы находим в работах Н. Ф. Озвон, Б. М. Житкова, И. Д. Черского и С. И. Огнева.

был давно, и слабый там, где он был недавно, то увидели бы, что темные тона легли бы на берега Атлантического океана (Францию и Испанию). По мере же удаления к северо-востоку краска эта будет все больше и больше бледнеть и на берегах Великого океана она станет почти белой. Другими словами, переносясь в пространстве с запада на восток, мы как бы во времени переносимся назад. Словно «машина времени» Г. Уэльса: сначала разница будет в десятках лет, потом в сотнях и, наконец, в тысячелетиях.

По существу мы только типологически можем относить каменные орудия Восточной Сибири к той или иной эпохе первобытной культуры, а по времени это было совсем недавно. Тут в наличии будут и ледниковые отложения, и соответствующие растительные остатки, и кости дилювиальных животных, словом — все необходимые условия залегания и вся та обстановка, которая требуется для палеолита, но время — другое. В данном случае принцип теории относительности Эйнштейна будет весьма кстати.

Палеолит европейской части Союза [Костенковская (14—13, 26) и Мезенская (15—67, 102) стоянки] более поздний, чем западноевропейский, а материал, добытый во время раскопок в Новгородской и Тверской губерниях, несмотря на наличие ручного обитого топора, оказался относящимся к неолиту (16—66, 82).

Сибирский палеолит совсем молодой, а неолитические каменные орудия относятся к XVII, XVIII и даже к концу XIX столетия.

Следовательно, понятие — археологический каменный век переходит в энтологический каменный век, продолжавшийся у малокультурных народов тропических стран и у палеазиатов Восточной Сибири до конца XIX столетия (17—475).

Находки каменных орудий и кухонных остатков на берегах Енисея и оз. Байкала (18—113, 132) свидетельствуют о том, что распространение неолитических палеазиатов на за-

пад доходило только до известной черты восточнее Енисея. И эта граница их распространения близко совпадает с бывшей границей древнеазиатского материка.

Низменная тундра к западу от Енисея, возникшая после таяния ледников, населена другими животными и растительными видами европейского происхождения и человеческими племенами (19—9) иного финского корня (20—24). Позже палеазиаты были отодвинуты к востоку сперва тунгусами, которых гнали якуты — народ тюркского происхождения, а этих последних, в свою очередь, теснили буряты, вышедшие из Монголии.

Весь северо-восточный угол Азии и северо-западный Америки являются убежищем остатков различных палеантропологических групп (21—113).

Ныне энтологическую линию, отделяющую Азию от Америки, нужно проводить от нижнего течения Колымы до Гижигинской губы в заливе Шелехова.

Очеловеченный медведь.

Большой интерес представляет собою весьма распространенный обычай почитания медведя, олицетворяющего отдаленного сородича-предка.

Почитание его мы находим у многих индейских племен Северной Америки. Перед отправлением на охоту чипевеи устраивают волшебную пляску для умилостивления духов медведей. Подобный же обычай существует у сиуксов, минитариетов и манданов. В Британской Колумбии нортасы, убив медведя, надевают на него шапку, покрытую тонким пухом, и торжественно приглашают его к начальству.

Г. Скулькрафт видел однажды у берегов Верхнего Озера индейца, просившего прощения у застреленного медведя. Индейцы оджибуэ (оджибвеи), убив медведя, строго оберегают мясо и кости животного, чтобы их не тронули собаки, и все остатки предают сожжению (30—40).

Д-р Р е также утверждает, что все североамериканцы отно-

сятся с большим почтением к каждому медведю, которого им удастся убить, извиняясь перед ним и сожалея о неприятной необходимости, которая побудила их к убийству (22—192).

У тлинкитов в системе тотемных родов есть род медведя (24—596). Затем, у айнов на о. Сахалине и у гиляков на том же острове и в низовьях Амура убиение вскормленного медведя обставлено очень сложным ритуалом. Гольды, ороки и удэ (he) имеют особый праздник съедания медведя, убитого ими на охоте. Орочи кости медведей, так же как и оджибвеи, прячут в дуплах деревьев, а черепа, очищенные от мяса, вешают на сучках так, чтобы их не достали собаки. Особым почетом медведь пользуется у тунгусов.

Далее, медвежьи праздники мы встречаем у западносибирских аборигенов. Белый медведь, как животное самое сильное и всего ближе подходящее к человеку, пользуется у самоедов таким же уважением, каким черный собрат его пользуется у остяков (29—190, 192).

Вогулы, обитающие на восточных склонах северного Урала, убив медведя, обращаются к нему с формальными извинениями и убеждают, что вся вина произошла от стрел и железных капканов, выкованных русскими (29—192). У черемисов (Вятской, Уфимской и Пермской губ.) медведя нельзя называть собственным именем. Его величают «он», «сам», «хозяин» или просто «набольший». В финских преданиях старинное значение медведя выступает очень сильно.

У русских славян мы часто встречаем очеловеченного медведя. Его называют «Михаилом Потаповичем Топтыгиным», с ним шутят и подражают его походке. Это любимый мотив сказок, в которых медведя заставляют говорить человеческим языком. У тунгусо-маньчжуров Восточной Сибири женщине строжайше воспрещается варить медвежье мясо и садиться на его шкуру. У русских славян тот же запрет встречаем мы в сказке, где медведь ночью идет к деревне и в реве высказывает свое недовольство в следующих выраже-

ниях: «Вся деревня спит, одна баба не спит, на моей шкуре сидит, мое мясо варит...»

В Швейцарии на гербе г. Берн и на флагах кантона также изображается медведь. Там имеется «медвежий ров», охотно посещаемый туристами, в котором держат этих животных. Даже само слово «Берн», может быть, произошло от слова «бер», что значит — медведь.

Отголосок почитания медведя встречается даже на берегах Атлантического океана в Пиренейских горах.

Итак, мы видим медведя в качестве тотемного животного на всем северном полушарии. В Западной Европе он сохранился только как отголосок далекого прошлого, у русских — как пережиток, у черемисов, вогулов и остяков этот пережиток оживает, а у народов Восточной Сибири тотемное значение медведя в полной силе сохранилось до сих пор. Запреты, касающиеся медведя, соблюдаются там со всею религиозною строгостью и поныне. Это имеет большое значение для наших антропогеографических исследований и указывает на то, что на материке Евразии угасание переживаний идет в направлении от востока к западу.

Первобытное население.

В тех местах, где сохранились реликтовые флора и фауна, мы находим и реликтовое население. Так, на Балканском полуострове — арнауты или албанцы, прямые потомки иллирийцев, отличаются любовью к независимости и первобытною простотою. Они имеют обстановку, утварь и даже одежду, сходные с неолитическими (1—591, 593). Такими же будут баски в Пиренейских горах.

Известный этнограф-лингвист П. П. Шмидт причисляет к палеазиатам древних бохайцев, живших в нынешней Маньчжурии и Приморской области, туземцев, обитавших во времена Конфуция в восточной части Шандунской провинции, и, наконец, древних насельников Кореи (22—49).

На острове Линдай, в Желтом море, обитал народ чеу-

хоу. Это были люди невысокого роста, говорившие совсем особым языком. Они брили себе головы и одевались в кожи. К а л н и н полагает, что это были аборигены Корейского полуострова, остатки которых сохранились кое-где на островах Корейского архипелага. Ими, вероятно, и были построены долмены (Коин-толь), найденные доктором Г о т т е близ Фо-чена в провинции Кионг-шу-до (23—51).

Далее к палеазиатам относятся айны, гиляки, коряки, камчадалы, чукчи, эскимосы.

Итак, остатки палеазиатских народов в настоящее время занимают очень длинную и сравнительно узкую прибрежную полосу от Печилийского залива до устья р. Енисея (22—52).

Насколько флора и фауна являются реликтовыми в Приамурском крае, настолько же реликтовым будет и его туземное население. Мы находим здесь свайные постройки (у айнов, гиляков, ительменов), полууглубленные землянки (у коряков), находим яркие пережитки групповых браков (у гиляков) и территориальных родов (у удэ he), носку огня в трубчатой кости (у эскимосов), добычу огня трением (у чукчей, коряков, гиляков), каменные и костяные орудия (у коряков, чукчей и айвуанов) и т. д.

При отступании ледников северный олень эмигрировал на север, а за ним следовал и человек.

Западные гиперборейцы Старого Света шире пользовались северным оленем и язык их больше обогащен терминологией оленеводства. Между тем, некоторые народы, живущие у берегов Берингова пролива, не знают его до сих пор, в особенности на Аляске, где он последнее время стал разводиться уже европейцами. Все указывает на то, в каком направлении шло распространение этого животного (27—192).

Значит, продвигаясь далее по направлению к северо-востоку, мы должны рассчитывать, что в области современного обледенения северного полушария, именно, в арктической Америке, найдем еще более первобытных людей. Так оно и

есть! Эпоха мадлен, бывшая на восточных берегах Атлантического океана 10—15 000 лет тому назад, у эскимосов, обитающих на крайнем северо-востоке Сибири, и, главным образом, у американских инуитов — продолжается и по настоящее время: они так же, как и люди эпохи мадлен, живут в ледниковую эпоху. Как и все первобытные расы, они низкорослы (для мужчин 1,43—1,55, а для женщин 1,38—1,45 метра) (17—374) и длинноголовы, имеют массивную челюсть с широкими отростками дуги и слабо развитым подбородком. Это охотники за оленями и морским зверем. Даже в начале XX столетия в обиходе у них имелись каменные скребки такого типа, какой встречается у троглодитов четвертого обледенения (17—476). Рукоятка скребка была сделана из мамонтовой кости. Для производства ретуши по краям каменных наконечников они имели специальное орудие, опять-таки, из мамонтового бивня. До последнего времени у эскимосов бытовала метательная палка для бросания дротиков, совершенно такого типа, какую находят в слоях, относящихся к Вюрмскому обледенению. Огонь они носили в трубчатой кости и добывали его трением. Рисунки совершенно мадленские, при чем, так же как и у пещерных обитателей Европы, особенно хорошо изображаются животные. Костяные гарпуны и жировые лампы, каменный резак — точнейшие копии орудий, находимых в пещерах при раскопках слоев, относящихся к четвертому обледенению. Наконец, язык эскимосов стоит одиноко в генеалогической классификации языков эйнумены.

Все это изобличает в них прямых потомков доисторических людей, живущих, как и отдаленные предки их, в ледниковой обстановке.

«Очевидное сходство типа между чукчами и эскимосами (кроме роста — чукчи значительно выше), одинаковость их обычаев и образа жизни, употребление ими орудий и снарядов, сделанных из тех же материалов и с теми же рисунками, подобно древним орудиям, находимым в различных

доисторических европейских гrotах и относящихся к каменному веку, привели антропологов к заключению, что эти две народности крайнего севера суть представители предшествовавшего человечества, постепенно оттесненных на окраины материка и вынужденных под давлением народов-завоевателей искать себе убежища на берегах Ледовитого океана» (17—627).

«Предметы, из камня, кости или зубов мамонта, добытые во время раскопок Норденшельдом и его спутниками в кухонных отбросах чукчей, представляют до того поразительное сходство с подобными же изделиями, употребляемыми гренландскими эскимосами, что его невозможно приписать одному только действию окружающей обстановки» (25—631).

«Монгольские черты в характере и физическом строении эскимоса настолько заметны, что в антропологическом смысле его совершенно отделяют от индейца. Эскимосы живут в северо-восточном берегу Азии и в Гренландии появились, по видимому, лишь в историческое время. В их культурном достоянии многое походит на достояние азиатских и даже европейских гиперборейцев» (24—570).

Того же мнения придерживается и английский географ Маркгам, против которого в 1883 году выступил профессор Ф. Баз (28—70). Во всяком случае, в настоящее время эскимосы живут по побережью Северного полярного моря, на Чукотском полуострове, на северных берегах Аляски и далее на восток включительно до Гренландии. Все это указывает, что северо-восточная оконечность Азиатского материка сама по себе есть переходная область, продолжением которой служит самая северная часть Америки. Последняя несомненно, первых своих колонистов получила из Азии именно, через Берингов перешеек (19 — карта А. Геддена). Последующие переселения могли происходить в ту другую сторону.

ДВГНБ

ЭР00338

ДБГНБ

ЭР00338